

Ши Фэй пребывал в глубочайшем шоке. Он никак не мог взять в толк, в какой момент всё пошло наперекосяк. Ему срочно требовалось забиться в какую-нибудь прохладную нефритовую норку и просто побыть в тишине.

Су Сянь и понятия не имел, что одной фразой вогнал несчастного демона в глухую депрессию. Он лишь подумал, что снова задел Ши Фэя за живое, и тот улетучился, в очередной раз хлопнув дверью.

Вспоминая об этом, юноша невольно улыбался: надо же, такой древний и могущественный демон, а ведёт себя как капризный ребёнок. Детский сад, честное слово.

Однако любопытство разгоралось в нём всё сильнее. Ну где, где у этого Ши Фэя прячется красный цвет?

Раз он так бурно реагирует, значит, красный оттенок действительно где-то есть. Но в том сне, когда перед Су Сянем предстал гигантский самородок, никакого красного отлива он не заметил. Впрочем, в том видении его знатно придавило, да и ракурс выдался не самый удачный — мало ли, вдруг багровые прожилки скрывались с тыльной стороны, которую не разглядеть при всём желании.

Разве не любопытно? Позже Су Сянь даже залез в интернет, чтобы посмотреть, как вообще выглядит этот красный жадеит. Но поисковик выдавал в основном грязно-бурые или коричневатые камни. Даже самые яркие экземпляры шли с какими-то примесями и выглядели пёстрыми, тусклыми — до ослепительного благородства императорского зелёного нефрита им было как до луны.

Су Сянь резонно рассудил: если уж у Ши Фэя и есть красные тона, то они обязаны быть под стать его зелени — сочными, чистыми, королевскими.

А чуть позже он наткнулся на даосскую поговорку ювелиров: «Тысячу зелёных камней отыскать легко, а вот единственный красный — истинное сокровище».

Он невольно покачал головой: надо же, неужели это такая невиданная ценность?

Погасив экран телефона, Су Сянь откинулся на подушку. Красный жадеит на теле Ши Фэя, судя по всему, заслуживал куда более громких эпитетов, чем просто «редкость».

«И как только умудряется так тщательно его прятать? — размышлял он. — Ни фантомный облик его не выдаёт, ни даже сонный морок.»

Впрочем, судя по тому, как сильно Ши Фэй обиделся сегодня, разгадать эту тайну Су Сяню вряд ли светит.

Мысль эта промелькнула и угасла. Окончательно заглушить интерес к Ши Фэю он пока не мог — слишком уж незабываемым было то мгновение кристальной чистоты разума, когда демон оказался рядом. Но и заикливаться на этом даос не собирался.

Искушение срезать путь и разом решить все свои проблемы с засорением духовных каналов манило его, однако путь истинного совершенствования никогда не обещал быть лёгким. Без готовности стиснуть зубы и преодолевать любые тяготы на Дао вообще соваться не стоило.

Успокоив мечущийся разум этой мыслью, Су Сянь отбросил лишние заботы и мгновенно погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Дни летели незаметно. Наступил апрель, а вместе с ним неумолимо приближались два главных испытания: выпускные экзамены и кастинг на шоу. Каждая минута Су Сяня теперь была на вес золота.

Впрочем, к аскетизму ему было не привыкать. Су Сянь всегда вёл простую, размеренную жизнь: читал каноны, упражнялся с мечом да помогал по хозяйству, обходясь без современных развлечений. Так что бешеный ритм изнурительной учёбы и тренировок он переносил на удивление стойко.

Единственным минусом стало то, что на само духовное делание оставалось совсем мало времени — медитировать приходилось урывками, ловя каждую свободную секунду.

Шу Цзинцунь, который делил с ним будни, рядом с таким усердным напарником постоянно мучился совестью. Ему теперь было просто неловко лишний раз достать телефон, чтобы погонять в любимую мобилку.

Раньше Цзинцунь искренне считал себя образцом трудолюбия: шутка ли, проводить в танцевальном классе целые сутки напролёт и без сил валяться на паркете, ловя ртом воздух. Но на фоне Су Сяня все его былые подвиги казались детским лепетом.

Весь день они тренировались наравне со всеми. И когда объявляли перерыв, и измотанные ребята пластом ложились на пол, Су Сянь единственный доставал из рюкзака сборник задач по математике или врубал в наушниках аудирование по английскому.

Как-то раз, заметив, что Су Сянь увлечённо залипает в экран смартфона, Цзинцунь едва не расплакался от счастья. Неужели! Брат Су наконец-то снизошёл до простых человеческих радостей! Какое единение с народом! Окрылённый этим зрелищем, Шу Цзинцунь уже потянулся за своим гаджетом, надеясь безнаказанно запустить катку, но...

Решив из чистого любопытства и благоговения подсмотреть, что же за шедевр кинематографа сумел завладеть вниманием этого сурового праведника, он заглянул через плечо напарника и...

Шу Цзинцунь застыл.

В его голове пронеслось стадо альпак, а воображаемые вороны дружно закаркали над макушкой.

Твою дивизию... Это была запись торжественного даосского богослужения!

Цзинцунь молча убрал телефон обратно в карман. Брат Су пребывал на такой недостижимой высоте духовной чистоты, что оставалось только признать собственное ничтожество.

«Прости меня, господи, ибо я грешен и глуп» — мысленно повинулся юноша.

Заметив остекленевший взгляд друга, Су Сянь решил, что тот тоже жаждет приобщиться к прекрасному. Он дружелюбно пододвинул экран поближе и протянул ему один наушник.

— Представляешь, — с искренним восторгом поделился он, — я только сейчас узнал, что в вейбо есть официальные аккаунты даосских храмов! Столько лет потеряно зря!

Цзинцунь вставил наушник. Под монотонное, усыпляющее пение священных сутр и созерцание величественного старца в расшитых шелковых одеждах на экране, он почувствовал, как его бременная душа стремительно очищается от мирской суеты.

Конечно, не всё в обучении Су Сяня шло как по маслу. Телешоу «Свет мечты» позиционировалось как проект по созданию бойз-бэнда, причём организаторы завернули весьма хитрую схему: по итогам шоу формировалась временная группа ровно на один год, после чего для каждого финалиста обещали составить индивидуальный план продвижения с учётом его сильных сторон.

В современной индустрии подобные проекты обычно собирали солянку из стажёров самых разных агентств. Столь пёстрый состав мешал долгосрочному развитию коллектива, поэтому формат временного контракта виделся идеальным решением. Продюсеры могли сразу запустить готовую франшизу, не боясь, что будущие юридические дразги между компаниями пустят карьеру новоиспечённых звёзд под откос.

Для того же Шу Цзинцуня участие в шоу было беспроектным вариантом. С его талантом и подготовкой, если только не случится какого-нибудь форс-мажора вроде внезапной дисквалификации, место в финальной группе ему было гарантировано. Проект служил для него отличным трамплином, позволяющим за пару месяцев сколотить мощную фанбазу, а не единственным шансом пробиться на сцену.

В наши дни выживалища гремели на всю страну, приковывая зрителей к экранам. У таких шоу был особый психологический крючок: фанаты проникались так называемым «синдромом родителя». Каждый проголосовавший чувствовал себя создателем чужого успеха, лично

проложившим кумиру дорогу к славе. Подобная сопричастность рождала невероятно преданную, готовую на всё аудиторию — обычным дебютантам о такой любви оставалось только мечтать. Всё просто: дитя, которое ты вырастил сам, всегда будет для тебя самым лучшим и родным.

Поэтому агентства с удовольствием обкатывали эту схему, превратив её в надёжный и прибыльный конвейер.

Да и боссы развлекательных гигантов пребывали в восторге. Раньше, чтобы раскрутить новичка с нуля, приходилось вливать астрономические суммы в рекламу и пиар без каких-либо гарантий. Теперь же вчерашние стажёры приносили чистую прибыль ещё до официального дебюта. Настоящая золотая жила.

Но именно эта отлаженная до мелочей система и стала главным камнем преткновения для Су Сяня. Продавать себя, заигрывать с аудиторией и красоваться перед камерами — всё это было бесконечно чуждо его даосской натуре.

На сцене мало просто хорошо двигаться. Нужно было понимать, как поймать объектив, как удержать фокус оператора, какое выражение лица принять в те секунды, когда снимают именно тебя, чтобы врезаться зрителю в память. Ему предстояло с нуля освоить целую науку самопрезентации.

Как выразился один из наставников:

— Су Сянь, ты работаешь как отличник на экзамене. Ты добросовестно выполняешь задачу, но в тебе нет страсти. Ты не кайфуешь на сцене.

У Шу Цзинцуня этот огонь горел внутри. Он выходил на подмостки с чётким осознанием: это его личная территория, его звёздный час. Он сиял, притягивая взгляды подобно солнцу, и эта уверенность казалась естественной как дыхание.

Что же касается Су Сяня... Хореограф, поначалу не надышавшийся на его физические данные, теперь лишь разочарованно качал головой:

— Техника безупречная, придраться не к чему. Но харизмы — ноль. Смотришь на тебя и видишь идеального танцора массовой.

Шу Цзинцунь тихонько прыснул в кулак, а Су Сянь только тоскливо вздохнул. Кто бы мог подумать, что именно то, что казалось ему самым простым — физические движения, — станет источником головной боли. Дело пахло провалом.

Отрицать очевидное было глупо: с его внешностью Су Сянь должен был приковывать к себе взгляды мгновенно. Однако парень совершенно не умел пользоваться своей природной

привлекательностью. Видя столь благодатный материал, преподаватели не желали, чтобы он оставался просто «красивой декорацией», и искренне пытались выжать из него максимум.

Вот только давалось это со скрипом.

— Су Сянь, работай на камеру! — зычно командовал хореограф.

Су Сянь вздрагивал и послушно уставлялся в объектив.

— Да не так! — хватался за голову учитель. — Мы тут не стрелку за гаражами забиваем! Расслабь лицо! Улыбнись!

Это требование ставило даоса в тупик. За всю свою жизнь Су Сянь фотографировался от силы пару раз, и даже на тех редких кадрах выходил натянутым как струна. А тут нужно было не просто стоять столбом, а выдавать сложные пируэты, умудряясь при этом совмещать несовместимое: то от него требовали «хищного взгляда», то призывали «полностью расслабиться».

Изо всех сил постаравшись выполнить установку, Су Сянь выдавил из себя нечто, больше похожее на судорогу при неврите лицевого нерва.

Хореограф онемел.

Шу Цзинцунь, который до этого сдерживался исключительно из священного трепета перед авторитетом «брата Су», наконец не выдержал. Его прорвало так, что он сполз по стене, содрогаясь в беззвучных рыданиях от хохота.

Су Сянь лишь развёл руками. Пока наставники молчали про эту пресловутую «подачу», он чувствовал себя вполне комфортно: камера висит и пусть себе снимает. Но стоило заговорить о флирте с объективом и заигрывании со зрителем, как у него подкашивались колени, а руки и ноги словно переставали слушаться.

Поманив его пальцем, хореограф усадил даоса рядом со своим монитором, а затем прикрикнул на бьющегося в конвульсиях напарника:

— Цзинцунь! Хорош ржать, поднимай свою тушку и покажи класс!

Шу Цзинцунь от смеха начисто лишился сил и поднялся далеко не с первой попытки. Ещё немного похихикав под строгим взглядом преподавателя, он наконец глубоко вздохнул, взял себя в руки и кивнул: готов, мол.

Заиграл динамичный бит. Хореограф усадил Су Сяня поближе к экрану, чтобы тот мог

детально разобрать каждое движение.

Су Сянь и раньше догадывался, что Цзинцунь рождён для сцены, но теперь, под профессиональный комментарий мастера, он воочию убедился, насколько его друг органичен в амплу айдоло.

Многолетний опыт сказывался во всём: парень интуитивно чувствовал ракурс, идеально дозировал ширину улыбки и точно знал, под каким углом выигрышнее смотрится его профиль в прыжке. А под конец связки, идеально поймав сильную долю, он задорно подмигнул прямо в объектив, пустив в ход всё своё обаяние.

— Во-о-от! Видал? — торжествующе зашептал хореограф. — Да на живом эфире девчонки у экранов от одного этого взгляда сознание потеряют!

Су Сянь внутренне согласился с этим вердиктом. Но следующая фраза учителя заставила его самого едва не лишиться чувств.

— А теперь давай ты. Повтори-ка!

Су Сянь завис.

«Ладно, — упрямо подумал он. — Сдаваться без боя не в моих правилах. Я даос или кто? Неужели какой-то дурацкий жест окажется мне не по зубам?»

Цзинцунь примостился на корточках рядом с хореографом, затаив дыхание в предвкушении зрелища: сейчас великий «брат Су» будет кокетничать с камерой.

Преподаватель смолк.

Шу Цзинцунь окаменел.

Они медленно повернулись друг к другу, без слов понимая, что их мысли сошлись на все сто процентов.

Господи помилуй... Парень наделен божественной красотой, но стоило ему попытаться подмигнуть, как лицо перекосило, явив миру зрелище паралича половины лица. Сильный духом инвалид преодолагает недуг ради зрителей — ни дать ни взять.

Решив не сдаваться, Цзинцунь принялся терпеливо показывать движение снова и снова. Су Сянь старательно вглядывался в его мимику, анализировал и заходил на очередной круг.

Эффект получился ещё более слезоточивым.

— Из этого получилась бы отличная драма, — покачал головой Цзинцунь. — Фильм-биография о превозможении.

«История о преодолении: восемнадцатилетний парень с врождённым параличом лица вопреки всему штурмует музыкальный Олимп! Труд и упорство прокладывают дорогу к мечте!» Обрыдаться можно.

Просто триумф воли.

Их хореограф, в чьем истинном облике угадывалась змеиная натура, тяжело, протяжно вздохнул:

— Да уж, судьба — штука ироничная...

Глядя на покачивающуюся змеиную голову наставника, Су Сянь интуитивно почуял подвох.

И не ошибся. В следующую секунду преподаватель добавил:

— Ши Фэй в своё время выдавал точно такие же кульбиты.

Су Сянь промолчал.

«Ну уж нет, — мысленно взмолился он. — Из всех возможных точек соприкосновения с этим демоном мы нашли именно паралич лица? Нельзя ли было сойтись на чём-то более приличном?»

<http://bllate.org/book/18264/1748654>